

Права человека в кризис пандемии: актуализация коллективности¹

Аннотация. Статья рассматривает процесс индивидуализации системы прав человека и показывает, что актуальная дискуссия о содержании прав человека, институтах, их фиксирующих, и приемлемых режимах реализации в кризисные 2020–2021 гг. во многом определена реставрацией нормативных ожиданий, получивших признание в условиях, когда суверенные государства являлись восходящей формой организации мирового политического пространства. Новая ревизия в логике *covid*-национализма предлагает реставрацию в значительном объеме позиции коллективистских воззрений на права человека как производных от принадлежности к определенному сообществу. При этом секьюритизация политического и правового поля может длительно удерживаться системой в качестве новой нормы взаимодействия между властью, обществом и индивидом, способствуя укреплению авторитарных тенденций общественного развития как исполнения властью запроса на безопасность со стороны органически сформированного общества.

Ключевые слова: государство; индивид; меньшинство; секьюритизация; социальное разнообразие; идентичность; кризис пандемии; *covid*-национализм.

Дискуссия о содержании прав человека, институтах, их фиксирующих, и приемлемых режимах реализации в кризисных 2020–2021 гг. во многом определена реставрацией

Наталья Владимировна Панкевич, канд. полит. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

¹ Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60337.

нормативных ожиданий, получивших признание в условиях, когда суверенные государства являлись восходящей формой организации мирового политического пространства.

Мейнстрим политической мысли XX века, фиксирующий итог практически пятисотлетнего периода восхождения нации-государства, исходит из предпосылки, ярко схваченной Дж. Стрейером: *«Худшая судьба, которая может выпасть человеку в современном мире – оказаться отлученным государства... Человек вне государства» угнетен и обездолен... Его права не гарантированы, он беззащитен и не имеет возможностей разумно обеспечить себя»* [5, р. 3]. Эта точка зрения не уникальна и представляет собой вполне типичный образец суждения о государстве как о единственной арене, на которой в принципе возможны право, свобода, равенство (см., напр.: [2, с. 246; 6, р. 89]. Очевидно, подобный способ суждения опирается на мощную политическую традицию, которая восходит к поискам механизмов защиты индивида от бедствий естественного состояния, а также наработанную столетиями практику, для которых государство выступает и политическим благом [4], и естественно доминирующим политическим актором.

Но если пережитый человечеством в конце XX века опыт глобализации ставит под вопрос действительность системного сопряжения государственности и гарантий прав человека, то современная ситуация, обострившаяся в период пандемии, вновь обнажает непреодоленные линии напряженности между ключевыми подходами к пониманию практического содержания прав человека и практиками, которые они кодируют в области политического и правового регулирования. Содержание данного конфликта разворачивается в очередном цикле поиска баланса между политической и правовой субъектностью индивида, социального меньшинства, обладающего выраженной спецификой на фоне «большого общества» и собственно социального целого в его несводимых друг к другу трактовках.

В своем предельном развитии комплекс воззрений, связанных с парадигмой государственного суверенитета, эволюционирует в «методологический национализм», предполагающий, что инсти-

туты государственности удерживают в своих рамках не просто ассоциацию личностей, но упорядоченное социально-политическое единство, которое и должно стать первичным субъектом конституционного права, превосходя каждого конкретного индивида или группу в своем составе. Нормативность социальной согласованности нации-государства не ставится под вопрос, и наличие в теле общества разнообразных меньшинств рассматривается как девиация.

С точки зрения исторического опыта, действительность подобного норматива весьма спорна. Даже если оставить за скобками проблему того, что выравнивающие социальное пространства практики государства сталкивались с проблемой системного устранения различий, связанных с сословными границами, корпоративными привилегиями и локальными обычаями, необходимостью решать острейший классовый конфликт, то проблема социального разнообразия, которое государство должно было удерживать в рамках физически определенных границ, чрезвычайно остра. По свидетельству Х. Арендт, «бесправные пасынки мира», «выброшенные из покровительственных связей» собственного государства, составляли вплоть до половины населения вновь создававшихся в межвоенный период территориальных государств, особенно если такие государства наследовали империям [1, с. 361–362, 366].

Проблема заключенных в физических границах государства без права на исход, но исключенных политически и далее социально из состава государственного сообщества контингентов, результирует в проблему радикализованных меньшинств, нежелательных и опасных сегментов, неустранимо присутствующих в обществе. Межвоенные договоры, налагающие на государства обязанности по их защите (*Minority Treaties*), задают ситуацию, в которой отклоняющийся групповой актор становится важным субъектом права, кодируя также и отличный на фоне нормализованного общества объем прав, предоставленный его представителям. Любое разрешение данного конфликта – будь то дискриминация в прямом смысле или ее антипод в виде различных позитивных практик социальной и экономической реабилитации –

по сути своей оказывается неприемлемым для государства, поскольку равномерность внутреннего социального пространства является для него принципиальным условием существования.

Решение проблемы меньшинства как субъекта прав стала одним из главных вызовов государственности как политической форме. В регулярном политическом процессе этой цели служили, во-первых, вытеснение различия в частную сферу, где оно деполитизировалось и становилось предметом личного предпочтения (как, например, в случае практик светского государства). И, во-вторых, индивидуализация субъекта права, в рамках которой дискуссия о коллективном месте меньшинства в составе общества замещалась обсуждением персональной судьбы индивида, чья идентичность поляризована его личностными характеристиками, статусом и судьбой. Правосубъектность индивида обеспечивается особым, минуя промежуточные звенья и коллективности, характером связи каждого человека с политией посредством гражданства, что разрешает дилемму политического самоопределения меньшинства и приверженности правам человека: индивидуализация позволяет конвертировать сумму групп, характеризующихся специфическими идентичностями и потребностями, в демос, способный удерживать практически бесконечное разнообразие индивидуальных участников [3, р. 2, 11, 211]. Результатом отвердения данной формы становится делегитимация субъектности меньшинства, а система прав структурируется вокруг диады народа как субъекта политики и индивида как носителя гарантированных социальным целым прав.

Следующий шаг в процессе формирования современного понимания ключевого субъекта – носителя прав можно связать с выходом социальных процессов на тот уровень, где существование государственных территориальных границ и юрисдикций становится безразличным, а человеческие общности массово покидают выкроенные государствами безопасные ниши социального воспроизводства. В рамках жизни в разомкнутом трансграничном пространстве индивид эмансипируется также по отношению к охватывающей его коллективной «сборной» личности, которой является государствообразующий народ. Его права более

не опосредуются государством. Институционально данную новацию фиксирует возвышение в 1990-х гг. системы международного правосудия, в рамках которой частные лица получают доступ к судебной процедуре и наделяются правом инициировать слушания против государств. Таким образом, одновременно внутри государства и в международном пространстве обеспечиваются условия, в которых индивид становится единственным легитимным субъектом-носителем прав.

Ситуация актуального кризиса, связанного с пандемией 2020—... гг., во многом отрицает достигнутое состояние. Системная угроза коллективного характера мгновенно актуализировала способы реагирования на проблему, традиционно присущие миру государств с их ориентацией на эксклюзивную территориализацию, контроль над физическим пространством, стремлением к социальной однородности и опорой на принудительные ресурсы, и вновь вывела в фокус внимания проблему баланса между индивидом, меньшинством и социальной тотальностью в герметически замкнутом социуме. Новая ревизия в логике *covid*-национализма предлагает реставрацию в значительном объеме позиции коллективистских воззрений на права человека как производных от принадлежности к определенному сообществу. В своем февральском (2021 г.) обращении к Совету ООН по правам человека министр иностранных дел Китая предельно четко обозначил эту позицию, предложив центрированный на народе (*people-centered*) подход к правам человека, а также необходимость учета национального своеобразия в понимании объема, номенклатуры и способов защиты прав человека с приоритетом прав, связанных с безопасностью [7].

Процесс деиндивидуализации понимания прав человека характерен не только для стран, подобных Китаю, с сильной коллективистской традицией. С новой силой актуализируется проблема неинтегрированных меньшинств. В условиях пандемии именно такие группы в большей мере несут бремя риска и потому рассматриваются одновременно и как жертвы, требующие помощи, и как потенциальная угроза более благополучным группам общества. Секьюритизация политического пространства, в кото-

ром силовые структуры получают мандат коллективного целого на принудительное действие в отношении меньшинств, стремительно набирает обороты. Германия расширяет спектр особых полномочий силовых структур в рамках специального полицейского права для сдерживания инфекции. Франция рассматривает предоставление гарантий представителям силовых структур, в т. ч. их анонимизацию в медийном пространстве. В том же ряду введение комендантского часа в Нидерландах в качестве чрезвычайной меры сдерживания и др., вызывающие резкие локальные реакции в виде массовых протестов. Будучи направленными на решение проблем, связанных с напряженной эпидемической обстановкой и легитимированными именно этой необходимостью, данные меры практически сразу обнаруживают свой избыточный потенциал, распространяясь на все общество в рамках государства в целом. Таким образом, установившееся в результате пересмотра в критической ситуации правовое положение личности может длительно удерживаться системой в качестве новой нормы взаимодействия между властью, обществом и индивидом, способствуя укреплению авторитарных тенденций общественного развития как исполнения властью запроса на безопасность со стороны органически сформированного общества.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Шмитт К. Государственная этика и плюралистическое государство // Шмитт К. Государство и политическая форма : сб. работ / пер. с нем. О. Кильдюшова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010.
3. Benhabib S. The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizen. – New York : Cambridge University Press, 2004.
4. Jouvenel B. de. Sovereignty: an Inquiry to the Political Good. – Liberty Fund Inc, 1997.
5. Strayer J. R. On Medieval Origins of the Modern State. – Princeton University Press, 1970.
6. Walzer M. Just and Unjust Wars. – New York : Basic Books, 1977.

7. Wang Yi H. E. A People-centered Approach for Global Human Rights Progress. Remarks at the High-level Segment of the 46th Session of The UN Human Rights Council // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 22.02.2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml (дата обращения: 25.02.2021).